

САЯД АРАН

РАССКАЗЫ

Перевод Пюсты АХУНДОВОЙ

Пробуждение

Соседские женщины, собравшись в новом доме Салтанат, построенном у самого канала Кызыларык, стегали новые одеяла и матрацы к намечающейся на осень свадьбе ее старшего сына. Стоял самый обычный день. Работа шла своим чередом. Пришпилив мелкими гвоздиками одеяла к деревянному полу веранды, женщины стегали их большими иглками. Два килограмма риса еще с вечера перебрали и высыпав в поднос, поставили на перила веранды. Рано утром, перед тем как уйти на работу, муж зарезал трех курочек, которых Салтанат аккуратно ощипала и оставила в тазу, накрыв большим подносом. Приготовление довги поручила Зохре – невестке своей близкой подруги Хейрансы. Эта крепкая, дородная девушка лучше всех справилась бы с этим, но Салтанат просто не могла удержать язык за зубами:

– Не зевай, гляди у меня, слушая рассказы своей свекрови. Ты их и без того каждый день слышишь... Того гляди, испортишь мне довгу. Я не знаю, что я потом с тобой сделаю – саму тебя сварю вместо довги.

Робея перед властной и гневливой Салтанат, она пробормотала «с Божьей помощью не испорчу» и принялась за работу.

– Дай-то Бог. Мое дело – предупредить, а дальше уже сама гляди.

Расторопная и сноровистая девушка усердно перемешивала довгу, ни на секунду не прерываясь. Взглянув на нее, можно было понять, как добросовестно она отнеслась к работе: лоб покрылся капельками пота. Свекровь была довольна: «Пусть посмотрит, какие бывают свекрови!» Хотя Салтанат еще только собиралась стать полноправной свекровью. Но, что там говорить, – без пяти минут, как свекровь.

Женщины, работающие на веранде, втихомолку посмеивались, глядя на Салтанат, которая то гоняла палкой для взбивания шерсти кур, забегавших на веранду, то грозилась ею лающей собаке, то, проходя мимо Зохры, слегка стегала ее по бедрам. Зная характер хозяйки дома, никто не решался что-то ей сказать.

А Салтанат отчего-то выглядела озабоченной. Соседки, задушевные ее подруги, связывали эту задумчивость с предстоящей свадьбой и с предстоящими заботами, в частности, покупкой золотых украшений для будущей невестки. Да мало ли хлопот перед свадьбой! Если бы все эти хлопоты и приготовления не завершались свадьбой, от множества забот с ума можно было бы сойти. Ну, а причины озабоченности Салтанат были известны лишь Всевышнему и ей самой. И рассказать нельзя, да и к чему все это? Потом каждый истолкует на свой лад...

Несколько дней назад дочь ее младшей сестры Самии – Айсель – приехала в гости к тетке. Школы закрылись, начались каникулы. Школьники, утомленные городским шумом и жарой, устремились в районы и деревни. Давно уж так повелось, что каждое лето люди из Баку разъезжались по своим районам и деревням.

Перед отходом ко сну Айсель попросила тетю, чтобы та постелила ей рядом с Сямой. Имя племяннице дала ее тетя Самия. Сяма была младше Айсель на три месяца.

– Тетя, постели нам на полу.

Салтанат ничего на это не сказала. Попросила Джахира – старшего сына, к чьей свадьбе шли приготовления – достать матрац толщиной чуть ли не с полметра

и расстелила в центре комнаты. Не успела она еще достать одеяла и подушки, а Айсель уже принялась прыгать на матрасе, как на пружинистой кровати! Сяма с улыбкой смотрела на восторженную радость двоюродной сестры.

Салтанат, как всегда, не сумев удержать язык, съязвила:

– У твоей матери что, рук нет? Скажи, пусть и тебе такой матрац сделает.

– Но ведь у нас же нет столько овец, как у вас.

– У твоего отца денег куры не клюют. Пусть за деньги организуют.

– Ну, не знаю! – рассеянно ответила Айсель, не совсем понимавшая, на что намекает тетя. Да и Салтанат вышла во двор, чтобы закончить некоторые незавершенные дела. Кузины, радостно смеясь и щебеча, вдоволь напрыгались и обнялись под одеялом.

Салтанат завершила все текущие дела и, прежде чем лечь спать, решила заглянуть в комнату детей. И тут ее словно током ударило. Девочки, разгорячившись, сбросили с себя одеяло и лежали в легких и коротких ночных рубашках. Пухленькая, беленькая Айсель была похожа на маленькую белую рыбку, а Сяма по сравнению с ней, как говорила покойная тетушка Масума, смахивала на черную головешку. Очаровательная улыбка не сходила с губ Айсель даже когда она спала. Сяма же выглядела уставшей, озабоченной и утомленной. Конечно, между девушкой, выросшей в городе, в комфортной обстановке, на всем готовом, и девушкой, с утра и до ночи хлопочущей по хозяйству под палящими лучами солнца, должна была быть разница. Но... не до такой же степени... Конечно, Салтанат не подпускала близко темных мыслей, всячески гнала их прочь. В конце концов, Айсель ей как дочь. Но ведь все было как на ладони.

...На просторной веранде работа близилась к концу. Оставалось сварить рис и поставить его доходить на пару. Чыхыртма к плову готовится быстро. Довга была готова, и она не свернулась, это было видно по выражению лица Салтанат. Невестка Хейрансы – Зохра – заслуживала похвалу. Густой аромат довги разошелся чуть ли по всей улице. Работавшие на веранде почувствовали, что у них разыгрался аппетит. Салтанат давала последние поручения в связи с довгой.

– Сними кастрюлю с огня. Да гляди, чтобы кошки-собаки, куры близко не подходили. Как немного остынет, накрой крышкой, только неплотно. Пойди, принеси с балкона большую сковороду, которую я накрыла тазом, и банку с маслом, а я принесу из кладовки лука.

Что-то, от чего она безотчетно отмахивалась, занимало мысли Салтанат. Сделав несколько шагов в направлении кладовки, она, не веря своим глазам, остановилась, словно вкопанная. «Наверное, показалось, почудилось... Ну уж нет, погоди-ка, я гляну...» По ту сторону забора стоял симпатичный подросток и, абсолютно не смущаясь, смотрел на кого-то во дворе, улыбался, жестикулировал, странно подмигивал, то и дело на что-то намекая жестами. Господи, спаси, да что же это такое? Почудилось или это происходит наяву? Она обернулась, чтобы взглянуть, на что уставился парнишка, и, несмотря на июльскую жару, Салтанат показалось, что ее словно окунули в ледяную воду... Там была Айсель. Ладно еще мальчишка, взбесило Салтанат то, что Айсель отвечала на его жесты и подмигивания, улыбалась, кокетничала и, о горе, манила его во двор! Парень, указав на кого-то, приблизил большой и указательный палец к шее и изобразил непонятно что. О боже, он указывал на нее, на Салтанат. В гневе она с такой силой отшвырнула палку, что та разломилась надвое.

– Эй, ты! Ты чего там вылупился?..

Хейранса, закончившая стегать матрац, так вздрогнула, услышав крик Салтанат, что поцарапалась об один из маленьких гвоздей. В мгновение ока подол платья окрасился кровью. Присутствующие засуетились, пытаются помочь ей.

– Я с тобой говорю, наглец! – Салтанат до того была вне от себя от гнева, что не могла взять себя в руки и собраться с мыслями. – Да кто этот мальчишка?!

Зохра поспешила ответить ей:

– Это сын Назима.

– Какого Назима? Который женским исподним торгует, что ли?

У Назима в деревне был большой магазин. Он считался зажиточным человеком. В деревне о нем отзывались как об известном бизнесмене. Другой его брат занимался торговлей в Москве. Одним словом, семья их была из небедных и уважаемых. Ассортимент продаваемых в магазине вещей был самым разнообразным, было и исподнее, о котором Салтанат упомянула. Но почему Салтанат решила назвать именно этот товар, никто не понял.

Подросток, ничуть не смущаясь и все еще нагло улыбаясь, продолжал смотреть на Айсель. Ну ладно, с ним все понятно. А девчонка чего удумала? Разве она не видела ярости и гнева тетки? Салтанат обернулась к Айсель и крикнула:

– А ну, марш домой! Сяма, отведи ее в гостиную!

Ай Аллах, да что же это творится?! Провалиться мне сквозь землю!.. Айсель переминалась с ноги на ногу, и кажется, совсем не хотела идти в дом. Девчонка в открытую защищала парня, даже смущалась от слов тетки, которые она кричала в его адрес. Всем своим видом она выказывала недовольство... И вдруг, словно гром среди ясного неба, прозвучали ее слова. Салтанат не сразу осознала, что сказала Айсель.

– Тетя, ну пожалуйста, пусть он зайдет!

Она хлестнула ее по ногам отломанной половиной палки для взбивания шерсти и крикнула:

– А ну, замолчи, паразитка!

Айсель осознала свою ошибку, но было уже поздно, что сказано, то сказано. Салтанат пылала от гнева. Она в жизни не видала и не слыхала такой дерзости.

Парень, перемахнув через забор, прыгнул во двор. Нет, это уже ни в какие ворота не лезет! Женщины, работавшие на веранде, кое-как остановили кровь – сожгли тряпку и присыпали пеплом порез – и спустились во двор на подмогу Салтанат.

– Ах ты наглец! До чего же ты бесстыжий! Чего ты лезешь к людям во двор без разрешения?

Парень, не обращая ни на кого внимания, двигался прямо к Салтанат и, указав на Айсель, все еще потирающую рукой бедро, с вызовом произнес:

– Ударь меня вместо нее! Жалко бить такую девочку.

– Ах ты негодник, ты что, больше меня о ней заботишься?

Салтанат опешила от подобной наглости.

– Да... Я никогда в жизни ее так не ударю.

Салтанат подняла руку и начала лупить наглеца:

– Вот тебе, негодяй, получай, вот так, вот так...

Теперь и Айсель, позабыв о своей боли, бросилась защищать парня и, загордив его грудью, молила тетку о пощаде.

– Тетя, ну пожалуйста, не бей, ему же больно. Жалко ведь.

Сяма, наблюдающая за всем происходящим с веранды, просто потеряла дар речи. Она смотрела на происходящее как на какой-то фильм и ничего не понимала. Девушка была поражена раскованностью двоюродной сестры. Почему Айсель так рьяно защищает незнакомого парня, которого впервые видит? Чего ради терпит пребольные удары тети из-за какого-то незнакомца? Неужели влюбилась в одночасье? Это и есть любовь? Так быстро?

Салтанат была ошеломлена и, увидев, как парень и Айсель чуть ли не грудью защищают друг друга, обессиленно повалилась наземь.

Женщины начали гнать сына Назима со двора, а он не отпускал рук Айсель и беспрестанно спрашивал:

– Тебе очень больно?

Айсель отвечала, превозмогая жгучую боль:

– Ничего страшного. А у тебя как? Руки сильно болят?

Парень поглаживал ее руки и целовал пальцы, а она, не отнимая рук, снова и снова заботливо спрашивала, сильно ли болят его руки.

Женщины стояли огорошенные, недоуменно наблюдая за происходящим. На их глазах происходило что-то неслыханное, не укладывающееся в их понимание. Чего ж осуждать Салтанат? В деревне еще такого не бывало. И, как назло, мужчины никак не возвращалась, чтобы взащей вытолкнуть наглеца со двора и покончить со всем этим позором.

Салтанат в полузабытьи слышала и возмущение женщин, бранящих сына Назима, и воркованье Айсель и парнишки. Немного придя в себя, она попыталась подняться. Айсель, заметив, что тетка очнулась, запричитала:

– Тетушка, роденькая, как ты? Очнулась? – и бросилась к ней в объятия.

И парень тут как тут:

– Тетя Салтанат, пожалуйста, возьми себя в руки, не огорчай нас!

Затем, схватив ее левую руку, начал целовать. Айсель взяла ее правую руку в свои маленькие ручонки и тоже начала целовать и поглаживать, но оба продолжали с глядеть друг на друга с ласковой улыбкой, как самые близкие и родные люди.

... Салтанат снова потеряла сознание.

Средь бела дня

– Присядем здесь?

Сказав это, девушка прильнула к парню так, словно они были здесь одни. С сияющими глазами она потянулась к нему – так, завидев в пустыне водоем, тянется к вожделенной влаге изнемогающая от жажды газель. Смутившись, парень не успел среагировать адекватно, но чтобы не конфузить девушку, прижал ее голову к своей груди так, что губы девушки коснулись его шеи.

Можно было присесть, но на другом краю скамейки, застыв, как статуя, сидел старик. Положив руки на колени, как прилежный ученик, он сидел совершенно неподвижно, будто пребывая в некоем оцепенении. Его утратившие прежний блеск, но все еще лучащиеся жаждой жизни старческие глаза неотрывно смотрели из-за стекловидных очков в бескрайнюю даль моря, словно в ожидании корабля, на котором из дальнего странствия приедет кто-то очень дорогой.

Средь бела дня на бульваре сравнительно безлюдно. Несколько иностранцев в коротких шортах совершали пробежку. «Срамота! Ишь, как разгуливают, бесстыжие паршивцы, как у себя дома! – проворчала под нос пожилая, как видно, приезжая женщина в келагаи, отвернувшись в сторону. – Не дай бог, увидит кто – на всю деревню раструбит, что жена такого-то сидит на бульваре и разглядывает голых мужиков». (Муж ее отошел в уборную, так что предполагаемые сплетники оказались бы не так уж и неправы). А пересуды уже, казалось, звенели в ее ушах: «Бесстыжие твои глаза! Столько лет коптишь небо, да только ни стыда, ни совести не нажила!»

Редкие выходцы из Южной Азии были одеты проще и смахивали на бывших советских рабочих-передовиков. Были здесь и местные – из провинции. Возмущаясь: «И как только эти бакинцы спят до обеда?», – они бесцельно прогуливались, пытаются скоротать время до того часа, когда смогут пойти в различные министерства и учреждения с жалобами или отправиться в гости к родственникам. Они здесь не впервые, и поэтому не глазели по сторонам, как иностранцы. Вместо этого, томясь вынужденным бездельем, то и дело поглядывали в силу привычки на наручные часы, хотя проще было взглянуть на башенные, циферблат которых обозревался со всех сторон. Ну что тут скажешь! Иной раз время неумолимо – утекает, как песок сквозь пальцы, а порой тянется бесконечно долго.

– Может, пройдемся в ту сторону? – спросил парень, указывая на пустую скамейку неподалеку.

– Я усталаааа... – кокетливо протянула девушка, повиснув у него на руке.

– Ладно.

Они присели на скамейку. Мимо них проходили люди – белые, черные, желтые, коричневые, серые... По всей видимости, в основном это были туристы, остановившиеся в отелях поблизости от бульвара.

Несколько человек, говорящих на русском языке, то и дело восторженно ахая и не скрывая восхищения, разглядывали бульвар, засаженный экзотическими растениями, высотные здания на проспекте Нефтяников, чистые дороги и впечатляющие башни гостиничного комплекса, напоминающие языки пламени. Один из них, мужчина средних лет, указывая своему спутнику на здание «BakuCrystalhall», сверкающее под солнечными лучами как алмаз, сказал:

– Смотри... Говорят, на 25 тысяч мест. Для «Eurovision» построили...

– Да... За последние годы азербайджанцы очень возвысились...

Плотный блондин в едва сходящемся на животе пиджаке, то ли от злости, то ли от зависти, желчно ответил:

– За счет нефти и газа...

Один из постоянных посетителей бульвара – Гасанага – зажал в кулаке игральные кости и, так и не бросив их, сказал, глядя им вслед:

– Слышал, Бейбала?

– Слышал... – расстроено буркнул Бейбала, глядя на доску. Его положение в игре было незавидным. «Ну, завелся... – подумал он. – Теперь ни за что не бросит кости, пока не выскажет все, что накопилось».

– Схватить бы их за шкуру или одолжить пятнадцатисантиметровые «шпильки» у этой крали, что рядом с ними, в крайнем случае, купить, и стукнуть этому лысому по башке, да сказать: «Ах ты, такой-сякой! Когда главы Европы собрались всыпать вам по первое число, ваш падишах так застрашал их...»

Теряя терпение, Бейбала перебил Гасанагу:

– Ну, а что же со шпилькой?

– Погоди... Припугнул, мол, перекрою вам нефть, газ, передохнете все зимой! Так все тотчас разбежались по своим странам, сверкая пятками. Мы тратим дарованные нам богом природные богатства на благоустройство, дороги, на свой город... Вам-то что с того?! Вот бы на вашу долю, вместо тучных недр Сибирской тайги, выпали бесплодные, безводные монгольские степи, посмотрел бы я на вас...

– Шпилька... – Бейбала, потерявший всякое терпение, расстегнул ворот.

– Да погоди ты! Зла на них не хватает! У себя в глазу бревна не видят, а в нашем соринку ищут. Мы, в отличие от вас, не страшаем другие народы и дулей у них под носом не крутим.

– Шпилька...

– Ну поди, сними!

– Почему я?!

...Девушка словно задремала, прильнув к груди парня. Свежий воздух, легкий ветерок – все располагало к умиротворению. Она снова потянулась к нему и поцеловала сначала в щеку, затем в краешек губ. Осмелев, хотела было продолжить, но парень мягко отстранил ее, давая понять, что не стоит переходить границы...

– Ты что, не видишь, мы не одни ...

– Офф...

Девушка зло взглянула на «статую». Старик по-прежнему неподвижно сидел, уставившись вдаль неморгающим взглядом. «Ну что за человек?! Нет бы встать, уйти...Эй, советский гражданин! Места, что ли, мало? Или ты сам не был молодым? Я слышала от подруг, что в советское время пожилые люди, увидев приближающуюся

парочку, вставали и уходили. У этого, кажется, проблемы с понятливостью...», – с раздражением подумала она.

– Надо иметь понятливость. И возраст тут ни при чем... – сказала вдруг девушка, раздосадованная тем, что пришлось унять порыв страсти. Парень взглянул на старика и иронично усмехнулся, затем снова прижал голову девушки к груди, взъерошил и погладил ее волосы и шепнул на ухо:

– Наверняка скоро уйдет. Успокойся.

– Что-то незаметно... Зря я заупрямилась! Надо было послушаться тебя и пройтись до той скамейки!

– Ну, мне не привыкать ни к твоему упрямству, ни к запоздалому сожалению... – ответил парень спокойно и сдержанно, словно умудренный возрастом мужчина.

Слова девушки услышал и старик. Впервые «статуя» зашевелилась. Девушка заметила это. Старик явно был смущен – руки тряслись, по лицу было заметно, что он переживает смешанные чувства. Девушка смотрела на него с неприкрытой неприязнью. Он тоже смотрел в их сторону, но было сложно понять, куда именно – на нее или поверх ее головы. На всякий случай, проследив взгляд старика, она повернулась в том направлении.

Чуть поодаль, на фоне зеленой аллеи, как огромный красный мак, стоял киоск с рекламой «Кока-колы». Продавец развалился в ветхом, обитом юфтью кресле, сиденье которого просело чуть ли не до земли так, что сидящий в нем смотрелся, как увязнувший в грязи. Продавец тоже смотрел, насколько ему позволяло окно киоска, на море и синее небо. Погода стояла прохладная, и потому никто не покупал прохладительных напитков. Продавец с надеждой смотрел на прохожих и как только замечал, что кто-то смотрит в его сторону или направляется к нему, порывался встать, но, поняв, что это был случайный взгляд или движение, снова утопал в потёртом кресле. Вокруг не было ничего, привлекающего особое внимание – не было даже парашютистов на башне с часами. Много лет назад прыжок с башни обернулся трагедией – парашютист погиб, и с тех пор власти запретили прыжки.

В таком случае куда так упорно глядит старик?

Самые разные люди шли по набережной: кто размашистым шагом, кто бегом, кто торопливо, а кто – неспешно прогуливаясь.

– Ты пересдала тот экзамен? – спросил парень, чтобы нарушить молчание.

– Уф, будь он проклят, этот препод! Натуральный Езид!¹ «Хоть тресни, – говорит, – не выучишь – оценку не получишь!»

– Других вариантов нет?

– Каких еще вариантов? – захлопала глазами девушка.

– Ну, кто мог бы повлиять на него... Или, может, уважим...

– Эх! С ним такие шутки плохи. Говорят, он из старых, «истинных коммунистов». Родной отец с того света попросит, все одно – не поставит оценку, и денег не возьмет.

– Ну, выучи, раз так. Иначе придется еще год протирать штаны на студенческой скамье.

– Не получается у меня выучить! Хоть убей, ничего не могу запомнить. Какую страницу ни открою – вижу тебя. Уфф! Ты и спасение мое, и погибель! – воскликнула девушка и застучала маленькими кулачками по его груди. Но через мгновение, вновь обвив его шею руками, начала страстно целовать, совершенно не заботясь о свидетелях. Из этой сладкой неги ее снова вывел сдержанный голос парня:

– Успокойся, неудобно ведь. Наберись терпения.

– Не буду! – запротестовала девушка и, обернувшись, взглянула на старика полным ненависти взглядом.

¹ Язид I (645-683) арабский халиф из династии Омейядов с 680, сын Муавии I. Посланные Язидом войска разбили при Кербеле сторонников Хусейна – сына Али и внука пророка Мухаммада – и жестоко убили самого Хусейна.

«Как ты не понимаешь, что нужно встать и уйти отсюда! Пристал, как репей!» – читалось в ее взгляде. И старик «услышал» это, прочел в ее глазах. На сей раз «статуя» даже немного заерзала на месте. Парень тоже смотрел в его сторону. Заметив, что старик завозился, они решили, что он собирается уходить, однако он продолжал сидеть, глядя поверх головы девушки куда-то вдаль, и беспокойно ерзать на месте. Непохоже, чтобы старик устраивался удобней, напротив, он казался крайне взволнованным. Грудь его порывисто вздымалась, он что-то искал трясущимися руками в карманах – видимо, таблетки. Наконец он нашел лекарство, взял пластиковую бутылку, лежащую рядом с ним на скамейке, открыл крышку, положил таблетку на язык и выпил три глотка воды.

– Ладно, оставь его, отвернись... Как нам быть с твоим срезом? Если педагог и в самом деле упрямец, как ты говоришь, то что ты будешь делать? И что ты скажешь домашним?

Впервые с тех пор, как они пришли, она отвлеклась от переполняющей ее страсти и всерьез задумалась о своем положении. При желании она могла бы подготовиться к экзамену и получить оценку. Ребята курсом старше говорили, что не такой уж он и изверг, этот преподаватель. Чтобы получить удовлетворительную оценку, достаточно иметь хоть какое-то представление о его предмете, а для этого придется запереться в комнате на несколько дней и учить, учить, учить... А это, на ее взгляд, означало временно лишиться обуревающей ее любви и выпасть из жизни, на что у нее просто не было сил. А впереди – длительные каникулы... Как только она вспомнила о предстоящей разлуке с любимым, мир стремительно терял краски. Нет! Нет! Она снова прижалась к парню, крепко обвила его шею руками, словно его собирались отнять у нее, и глубоко вдохнула его запах. Парень, ожидающий обычного возгорания страсти и шквала горячих поцелуев, почувствовал в своих объятьях постепенно успокаивающееся, утихающее тело. Поначалу не он придавал этому значения, списав это на стресс из-за проваленного экзамена. Взяв ее за подбородок, он мягко поднял ее лицо, чтобы понять, в чем дело.

Девушка смотрела на старика. На ее лице не осталось и следа от ненависти и злобы, вместо этого в ее глазах сквозило сожаление и раскаяние... Парень взглянул на старика.

«Статуя» плакала. Старик, как и прежде, сидел совершенно неподвижно. Из-под покрытых испариной стеклов очков по лицу струились слезы, исчезая в седой бороде. Время от времени его плечи вздрагивали. Он уже не смотрел вдаль поверх ее головы – просто плакал, глядя на море... Без сомнения, эти слезы были вызваны не слепяще-яркими лучами солнца. Старик плакал...

Девушка была сконфужена. Не меньше нее был растерян и опечален парень. Они переглянулись: «Пора уходить».

От звонкого детского голоса, расколовшего гнетущую тишину, вздрогнули не только парень с девушкой, но и трава, цветы и все живое вокруг.

– Деда, дедушка!

Мальчишка лет четырех-пяти бросился к старику, распахнул полы его пиджака и, уткнувшись ему в грудь, спрятался в его объятьях. Старик, отчего-то с превеликой осторожностью, бережно, словно что-то очень хрупкое, обнял внука. Заметив направляющуюся к ним супружескую пару, старик унял переполнявшую его нежность. Было видно, что он трепетно любит внука, но сдерживает проявления этой любви: в какой-то момент ребенок, выскользнув из его рук, упал, но старик не бросился его поднимать, – просто протянул ему руку, мол, поднимайся, не пачкайся.

Сначала к нему подошел мужчина средних лет.

– Как ты, отец? Не утомился?

Внук не дал ему договорить, выпалил:

– А дедушка плакал.

– Что?! – мужчина расширенными от удивления глазами смотрел на старика. – Что случилось, отец? Тебя кто-то обидел? – взволнованно спросил он, оглядываясь по сторонам. Поблизости не было никого, кроме сидящей в обнимку парочки. Он грозно посмотрел на них. Девушка прижалась к парню – сын старика был высоким, широкоплечим мужчиной, при надобности вправил бы пареньку мозги.

– Глаза от ветра заслезились.

– Может, тебя огорчил кто-то?.. – спросил сын, кивнув в сторону молодых.

– Нет, что ты?! Что им до меня? Говорю же, солнце бьет прямо в глаза, не видишь?

Мужчина обернулся к морю и, ослепленный солнечным светом, на несколько мгновений инстинктивно зажмурил глаза. В это время подошла сноха, обняла и поцеловала старика, справилась о его самочувствии.

– Я в порядке, – ответил старик.

Затем она прикатила инвалидную коляску, оставленную за кустами, и прислонилась к скамейке. Парень с девушкой только сейчас увидели коляску.

Они приехали на бульвар всей семьей. Два-три раза в неделю они вывозили старика подышать свежим воздухом, и каждый раз после того, как его усаживали на скамейку, старик, желая побыть наедине с собой и привести в порядок мысли, говорил им: «Пойдите, погуляйте, на обратном пути заберете меня». Живому и непоседливому мальчугану не сиделось на одном месте. Он тянул родителей за руки и все время твердил: «Пойдемте гулять вон туда!» Старик, предпочитающий тишину и покой, всякий раз поддерживал его: «Ребенок прав, ступайте, погуляйте, а я тут посижу».

Старик был парализован, но надежда на то, что он снова начнет ходить, все же была. Врач порекомендовал ему не сидеть в четырех стенах, почаще бывать на свежем воздухе и постепенно разрабатывать ноги, каждый день увеличивая число шагов.

Сын осторожно поднял отца на ноги и старик, опираясь на него, робко задвигал ногами. Внук держал его за руку и, шагая рядом с ним, сопровождал каждый шаг деда звонкими криками: «Вот так, дедушка! Молодец!» Сделав десять-двенадцать неуверенных шагов, старик сказал: «На сегодня хватит, больше не могу». Сын, приобняв, усадил его в инвалидное кресло. Внук воскликнул: «Я сам повезу дедушку!» – и, взявшись за ручки коляски, покатил коляску вперед.

Девушка, словно остерегаясь, что ее узнают, все это время сидела, уткнувшись в грудь парня и прикрыв лицо руками. Оба молчали. Казалось, все слова мира в одночасье иссякли.

Первой пришла в себя девушка и, подняв голову, взглянула парню в лицо.

Парень, устремив задумчивый взгляд вдаль, сидел бледный, с побелевшими и пересохшими губами. Его отец был примерно одних лет с этим стариком. Глядя на старика, он вспомнил, как точно так же искал свои таблетки его отец; как перед сном клал на прикроватную тумбочку воду и сердечные капли; как точно так же ласкал внуков.

Он давно не звонил отцу. И денег давно не высылал – то забывал, то был занят. После смерти матери отец стал совсем как ребенок – расстраивался по мелочам, обижался на всех, порой даже плакал, как малое дитя, уединившись на заднем дворе. Правда, его дочери жили в том же селе и часто навещали отца, прибирались в доме, стирали, готовили. Мужья их – в конечном счете, чужие люди – наверняка были недовольны всем этим... Он каждый раз наказывал сестрам, мол, если ваши мужья выразят недовольство, наймите сиделку, я все оплачу и буду ежемесячно высылать деньги на нужды отца...

Господи!.. Сколько месяцев прошло с тех пор, как он в последний раз звонил отцу...

Девушка, взяв парня за подбородок, слегка потрясла.

– Что с тобой? Расстроился из-за старика? Откуда же нам было знать?..

– Пойдем, я провожу тебя.

– Мы увидимся завтра?..

– Нет... У меня дела.

– А послезавтра?

– Пока не знаю. Всю эту неделю я буду занят. Заказы компании задерживаются. Возможно, меня командируют за границу.

–Это ж сколько мы не увидимся! Я так умру!

– А ты в это время как раз подготовишься и пересдашь экзамен! – улыбнулся парень и чуть ли не силой поднял девушку со скамьи.

Бросив десятку на переднее сиденье такси, стоящее у обочины, парень сказал:

– Аксакал, отвезешь девушку к станции метро «Нариманов»?

– Не вопрос, братец! – ответил пожилой водитель.

Девушка неохотно села в машину. Хотела сказать что-то, но, увидев выражение его лица, смолчала.

Их офис был на противоположной стороне улицы, позади Музея ковра. Чувствовалось, что он спешит – сегодня «перекур» затянулся.

Водитель по привычке взглянул на пассажирку в зеркало заднего вида. Повидавший за долгие годы работы таксистом самых разных людей, он сразу почувствовал что-то неладное, но не стал лезть в душу. «Какое мне дело до чужих проблем? Так можно и нарваться – скажут: «Смотри-ка вперед, да крути свою баранку!» И то верно – еще загремишь, чего доброго, в «лоток» и получишь на ровном месте заморочку с ремонтом».

Знать-то он все это знал, да только привычку не пересилишь. Глаза невольно смотрели в зеркало заднего вида – на девушку. «Молодая. Молодость и есть красота», – подумал он. Глубоко вздохнул... Из зеркала на него смотрел немолодой мужчина с уставшим лицом.

Что это? В зеркало заднего вида он увидел, как кто-то упал на том месте, где девушка села в машину. Вмиг собралась толпа. Водитель хотел было сказать девушке, мол, посмотри, не твой ли это паренек, но передумал. И, словно уговаривая самого себя, начал мысленно оправдываться: «На что мне сдались лишние неприятности? Мое дело – отвезти и привезти. А вдруг окажется, что это тот самый парень, девушка поднимет крик, потеряет сознание, – беды не оберешься. Ходи потом целый год в полицейский участок, давай показания: «Как себя чувствовал парень, когда ты его видел? В какое время суток это произошло: ночью или днем? Что девушка сказала парню? Что парень сказал девушке? Начнется катавасия. Жми-ка на газ, и езжай от греха подальше, своей дорогой!»

Белый «мерседес» скользил по черному асфальту, как лебедь по глади вод.

Была середина дня.

Холод...

– Слушайте, вы уж не обессудьте... но это уже никуда не годится! Клянусь Аллахом, он скоро сведет домочадцев в могилу! Все ходят белые, как полотно. Спрашиваю у них, как он? Говорят, никак... не ест, не пьет. Слово спросишь, только вздыхает и охает. Говорю ему: ай, Джафар, дай возьму тебя под руку, выйдем потихонечку на свежий воздух, пойдем на наше местечко, пройдемся, поболтаем, ноги-то у тебя, слава Богу, не парализованы...А он все рукой машет. Ну разве ж так можно? Что с ним такое произошло ни с того, ни с сего?

Никто не обронил ни слова. Старики, расположившиеся на пятидюймовой, лежащей на двух больших булыжниках доске длиной в три метра, словно почувство-

вали, о чем пойдет речь, еще до того, как Агарза подошел к ним. Услышав эти новости, они расстроились еще больше. Старики съжились, поникли – значит, нет у него сил подняться с постели.

Несмотря на нарочито бодрую речь Агарзы, на его тщетные попытки подбодрить и себя, и их, они поняли: видимо, Джафар при смерти. Боже, упаси! Спаси и сохрани!

Новоприбывшему негде было пристроиться, оттого никто из сидящих и не шевельнулся. Он осмотрелся вокруг, придвинул ногой плоский и гладкий булыжник, закатившийся в арык, застелил его газетой, которую достал из кармана, и осторожно присел. Примерно так использовали большие речные булыжники, оброненные водителями гравийно-песчаного завода Бахрамтепе, время от времени следующими по этой зеркально гладкой – шучу, простите, ради Бога – безнадежно ухабистой дороге.

Все четверо задумчиво смотрели перед собой в неопределенную точку. Стараясь не встречаться взглядами, они продолжали оцепенело сидеть, изредка вздыхая, но не нарушая всеобщего молчания. Джавад сидел, неестественно подавшись вперед левым плечом. Причиной тому была не старость или болезнь, вовсе нет. Одна из досок забора за его спиной сильно выдавалась вперед: либо скотина задела, либо дети-озорники нашкодили. Попытки Джавада плечом задвинуть доску на место оказались тщетными, и он, смирившись с безвыходностью положения, сидел несколько косовато, чтобы не натереть плечо.

В дневные часы в этом месте, где сидели старики, гуляли сквозняки. Раскидистый тополь создавал в радиусе десяти метров чуть ли не студеную тень. Как только старики вставали со своего места, скамейку моментально занимали молодые, и сразу же начинали играть в домино – и так до самой полуночи. А ночью здесь собирались желающие попировать. Дело в том, что позади этой импровизированной скамейки проходил предназначенный для орошения садов и огородов села небольшой арык, проведенный от канала Хубъярлы. Молодые взгромоздили друг на друга несколько больших булыжников в верхней части арыка, чтобы вода звонко журчала и создавалось впечатление, что они отдыхают у ручья. А что им еще оставалось? Место низменное, с жарким климатом... Как говорится, чем богаты...

Старики ждали доброй весточки о Джафаре, но вести были неутешительные. У всех четверых в горле пересохло, дыхание участилось. Уж очень они надеялись на добрую новость, верили, что на сей раз Агарза хоть силком, но приведет Джафара. Значит, у него опять не было сил, чтобы выбраться на свежий воздух, поболтать, развеяться, хоть на время забыть о своих хворях.

Старики, сидящие у арыка, были самыми пожилыми жителями деревни, давно перевалившими семидесятилетний рубеж. Между ними была незначительная разница в возрасте – по два-три года. Самым молодым среди них был 74-летний Агарза – деревенский вестник; больной Джафар был чуть старше него, затем шел Джавад, тот самый, которому в спину упиралась выступающая доска забора, за ним шел особенно уважаемый всеми жителями села Мирали, который 20 лет проработал председателем, и с годами односельчане все больше оценивали по достоинству его добросовестную работу и рдение за людей; и, наконец, знакомый всем с самого рождения «самосвальщик» Гусейнага, который уже лет десять не садился за баранку, а в последнее время мучился от сильных головокружений.

... Все были крайне осторожны. Если с одним из них случалось неладное, всех остальных охватывало беспокойство. Все тотчас начинали думать, что такой же недуг точит их самих, начинали чутко вслушиваться в свой организм и искать у себя тревожные симптомы. Они моментально выясняли все изменения в состоянии товарища до самых мелочей, а затем анализировали свое состояние, изо дня в день уменьшали порции еды, все больше отдавали предпочтение диетическому питанию, кисломолочным продуктам, и даже если умирали от голода, ни за что не соглашались

поужинать поздно вечером.

– Вчера выпил маленькую чашечку кефира и так легко уснул...

– И я опрокинул тарелку айрана. Хоть голода не утолил, зато уснул как младенец.

– А помнишь, как в молодости объедались на свадьбах, на ночь глядя, в десять, одиннадцать, двенадцать часов ночи? Ни водкой не насыщались, ни шашлыком. Ни от плова не отказывались, ни от долмы. Как будто силос утрамбовывали. И как только желудки выдерживали...

При этих словах они возмущенно хлопали ладонями по коленям так, что было слышно в соседнем дворе.

– Вот поэтому сейчас и неразлучен с тонометром... – двусмысленно сказал «Самосвал» Гусейнага сокрушающемуся о былом безрассудстве председателю. Бывший председатель еле заметно улыбнулся и обратился к Джаваду:

– Видишь, согрешил один раз в сто лет, а он при любой возможности и припоминает мне это.

Некогда, еще будучи председателем, он не смог пристроить Гусейнагу на работу. Правда, от него ничего не зависело – не было ни штатной единицы, ни новой машины. Разгневавшийся «Самосвал» Гусейнага ночью отвел в хлев начальника дорожного управления буйволицу с приплодом. Ровно через три дня он проехал прямо под окнами председателя, подняв клубы пыли, на новеньком самосвале. Тогда все усмехнулись, но отнеслись с пониманием к неотесанности Гусейнаги. Что ж было делать? В селе все свои, все близкие, всякое бывает. Образуется, зелен еще. Глядишь, и сам повинится.

Стрелки часов, хоть и медленно, но двигались. А медлительный ход времени старики списывали на отсутствие новостей, что заставляло их еще пуще тревожиться, не случилась ли беда с Джафаром (ни у кого не поворачивался язык сказать то страшное слово). Все задавались вопросом – интересно, кто же следующий? Все задумывались о своем возрасте и сравнивали себя с Джафаром. Эх, на все воля Божья.

Юный кучерявый парнишка на сильной скорости промчался мимо них на велосипеде и поднял пыль. Эта выходка неприятно удивила их. Ах, вот в чем дело... Вот и причина – впереди шагала девочка 12-13 лет.

– Кто этот негодник? – сердито спросил бывший председатель.

Джавад, словно лениво потягиваясь, а на деле пытаясь подтолкнуть на место вновь свалившуюся ему на плечо доску, осторожно предположил:

– Плосконосый. Похож на отпрысков Гулама...

Все стали вспоминать поголовно весь род Гулама. «И в самом деле, что за наглость? Поколения меняются, а эти как были неотёсанными, такими и остались. Что за племя такое?!»

Старики не стали углубляться в эту тему, иначе до глубокого вечера обсуждали бы только это. Все были напряжены, встревожены, не до того было...

И вновь все задумались, замкнулись в себе, устремив невидящие взоры вдаль. Они и без того в последнее время были немногословны. А мысль о том, что их сверстник лежит при смерти, внесла смятение в их души. Они даже не могли найти тем для разговоров, будто обо всем на свете уже поговорили, обсудили. Новшества их не интересовали, да и темы эти были не для них – все эти, как их там... интернеты, вотсапы, ноутбуки, планшеты, телефоны всякие...

Правда, у них тоже были телефоны, но все, что они умели делать, это нажать, как их учили, на кнопку и ответить на звонок, либо набрать номер, вот и все...

Их спокойствие было нарушено, пропал аппетит и интерес ко всему. Болезнь и постельный режим Джафара обескуражили их. Слово оборвалась нитка четок, словно все было половинчатым, неоконченным. Темы, цели, желания – все оборвалось на середине. Они с замиранием сердца думали: «Значит, скоро наступит моя

очередь...» Но тотчас же утешали себя: «Хвала Аллаху, мне грех жаловаться. В свое время и наелся, и напился, и нагулялся вдоволь. Пожил в свое удовольствие, и детей вырастил, поставил на ноги, устроил их жизнь. Всем рано или поздно придется собираться в путь. Эх, бранный мир, никто в нем не задержится... Ну и пусть... Все равно... Однако больно хочется дотянуть до восьмидесяти... Нет, нет, о Аллах, грешен, прости! На все Твоя воля, Господи!»

Близился полдень. Вот-вот все разом зазвонят телефоны: позовут на обед. Конечно, в основном, внуки. Сыновья и невестки, Бог знает, почему, препоручили это дело внукам: то ли самим неохота, то ли решив, что дедам будет по душе, если позвонят внуки...

... Неожиданно раздался азан. На самом деле он прозвучал вовсе не неожиданно, а в положенное время. Но почему это так напугало их? Это единственное, чего они не ожидали услышать в этот час. Они были настроены на восточку, словечко, новость о Джафаре. И тут раздался азан... Да смилостивится Аллах... Фразы из Корана, протяжные звуки азана напомнили им отпевание покойника. Но ведь ежедневно – утром, днем и вечером они слышали азан, и сразу все спешили – кто на омовение, кто за четками, а кто-то, уединившись в дальних комнатах, совершал намаз. Ведь они не в первый раз его слышат, тогда откуда эта дрожь?

Старики поглядывали друг на друга. Интересно, к кому из них пятерых первым постучится смерть? К Джафару, много дней не встающему с постели или...? О Аллах, только не я... Знаю, знаю, все мы гости в этом мире. Но почему именно я?..

Все они думали об одном и том же, и каждый из них был уверен, что мысли всех остальных занимает то же самое. Однако никто не говорил об этом, ведь каждого можно было уличить в тех же мыслях ...

«Если Джафар уйдет, значит, и нам скоро собираться в путь, – думали они. – Никто из нас не пышет здоровьем – кому-то лучше, кому-то хуже. Выходит, это и есть вся жизнь: рождение, школа, институт, брак, дети, женитьба детей, внуки, – всю жизнь трудись в поте лица и на старости лет проводи дни в пустых беседах да жди своего конца. Знали бы, не родились. Покойся с миром, поэт, это ты верно сказал».

Никто и не думал вставать, хотя пора было идти на обед. Чуть поодаль от них двое молодых парнишек с коробкой домино подмышками удивленно смотрели на стариков, не понимая, почему они не уходят. И телефоны трезвонят хором, а им хоть бы что. Нет, здесь что-то не так.

«Господи, интересно, что для нас уготовано на том свете? Знаем, что в потустороннем мире придется ответить за все, содеянное в жизни земной. О Аллах, прости нам наши ошибки и прегрешения!»

Все были очень удручены. Заслышав азан, содрогнулись, съежились, как никогда. Прижались друг к дружке и, как малые дети, взялись за руки. В это время ни с того, ни с сего, Джавад киши почувствовал небывалую легкость, словно сняли с души тяжелый камень. Оттого, что они сидели, прижавшись друг к другу, балка упиралась уже не в плечо, а в бок Джавада. Агарза пододвинул к ним булыжник, на котором сидел, и, чтобы скрыть навернувшиеся слезы, прикрыл глаза и положил голову на колени «Самосвала» Гусейнаги. А Гусейнага положил руку ему на плечо и погладил как ребенка.

Внезапно все четверо почувствовали жуткий мороз, пронимающий до костей. К дому Джафара тянулась вереница женщин в черных одеяниях и черных келагаи.

Все четверо, съежившись, безмолвно дрожали под палящим солнцем.